

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

УДК 94(571.1)"18/19"

СЕВЕР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА¹

И.В. Побережников

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, 620990, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16
pober1871@mail.ru

Проанализировано воздействие общероссийских модернизационных процессов на одну из периферийных территорий империи в XIX – начале XX в. – север Западной Сибири. В качестве проявлений модернизации выделяются 1) рационализация административно-территориального устройства, восходящая еще к началу XVIII в.; 2) интенсификация хозяйственно-экономической интеграции края в рыночную макроструктуру страны; 3) рост интереса к окраинам как источникам различных ресурсов для растущей экономики страны и заметная активизация географических исследований на Обском Севере, носивших практический характер; 4) активизация миссионерско-просветительской деятельности на севере Западной Сибири. При этом отмечаются крайне замедленные темпы освоения края в указанный период, обусловленные в первую очередь неблагоприятными климатическими условиями.

Ключевые слова: модернизация, пространство, Сибирь, Север, периферия, рационализация, интеграция, традиция, многоукладность.

Процессы модернизации имели не только временное, но и пространственное измерение. Они приобретали своеобразие и в зависимости от геополитического положения страны (региона), ее места в мировой системе, цивилизационно-культурного и исторического наследия, специфики национального менталитета, уровня социально-экономического, политического и культурного развития и т.д. Необходимость исследования модернизации на региональном (субстрановом) уровне обусловлена значимостью пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородностью модернизационных процессов, вариативностью «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации (конвергенция и дивергенция; восходящая, нисходящая или циклическая динамика). Модернизационные процессы разворачивались в пространственно определенных условиях, которые обуславливали возможности модернизации, ее пространственный формат [*Побережников*, 2009, с. 55–65]. Страновая модель перехода от традиционности к современности, как и локально ограниченные деятельности, ее создающие, несли печать не только общей логики процесса модернизации (структурная дифференциация, рационализация, мобилизация и т.д.), но и места его протекания.

Территориальные (региональные и субрегиональные) общности могли по-разному вести себя в общестрановом модернизационном контексте – выступать региональным фактором модернизации (например, Москва, Петербург, Урал в Российской империи XVIII в.) или, напротив, тормозом, «якорем» отсталости, амортизирующим модернизационные импульсы, исходящие из центра или более продвинутых регионов (например, многочисленные срединные и восточные районы, слабо-развитые республики в современной России) [*Зубаревич*, 2009, с. 36–38]. Естественно, складывающиеся в ходе модернизации пространственные конфигурации не оставались неизменными. Тот же Урал, бывший территориальным фактором ранней протоиндустриальной модернизации, в значительной степени растерял ко второй половине XIX в. свой трансформационный потенциал, уступив лидерство в сфере металлургического производства более динамично развивавшемуся Югу (что не отрицает возможности начала в первых десятилетиях XX в. новой масштабной модернизации уральской металлургической промышленности [*Алексеев*, 2008, с. 447–502]).

Специфические условия для модернизации возникали в странах фронта, которые продолжали осваиваться в модерную эпоху. К числу таких стран можно отнести США, Канаду, Россию, Австралию, Новую Зеландию. Особое значение для развития стран данного типа имели доступные пограничные области, которые служили не только источником богатства, но и клапаном для раз-

рядки социальной напряженности более плотно заселенных регионов, а также разрешение проблем, связанных с миграцией, ассимиляцией, адаптацией в условиях освоения новых территорий.

Север Западной Сибири присоединялся к Российскому государству почти одновременно с Уралом. Фактически в XVIII в. было покончено с угрозой нападений со стороны «кочевников тундры» - самоедов. Однако неблагоприятные климатические условия серьезно затормозили не только освоение, но и заселение региона русскими, которые оставались немногочисленными до рубежа XIX и XX вв. Север Западной Сибири представлял собой периферию Российской империи в XIX – начале XX в. Тем не менее интересно выяснить, в какой степени он испытывал импульсы модернизации, которая в указанный период разворачивалась в общероссийском масштабе.

Во-первых, очевидным проявлением модернизации являлись рационализация административно-территориального деления и разграничение компетенций центральных и местных органов власти, унификация структуры управления, ограничение возможностей для произвола властей, отделение суда от администрации, начатые в период Петровских реформ. Новый аппарат местного управления, в том числе в восточных регионах России, в значительной степени был установлен по общероссийскому образцу. Но, несмотря на несомненные успехи в деле унификации системы управления на уровне центральных институтов, местное управление по-прежнему имело региональные и локальные особенности, что в значительной степени обуславливалось сохранением традиционных структур низового управления. Как справедливо отмечает В.В. Трепавлов, автор соответствующего раздела коллективной монографии «Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления», «на среднем уровне (губернско-провинциальном) во многом стихийно сложившаяся система XVII в. уступила место европеизированной шведско-германской структуре, введенной во всем государстве. Что же касается посадского, острожного и сельского уровней, то изменения здесь произошли чисто терминологические. Абсолютно не затетыми петровскими реформами оказались коренные народы Сибири» [Национальные окраины, 1998, с. 71]. Управление Березовым и прилегавшей округой до начала XVIII в. осуществляли воеводы, подчинявшиеся тобольским воеводам (а последние – Сибирскому приказу).

В 1708 г. была учреждена Сибирская губерния, разделенная в 1719 г. на три провинции – Тобольскую, Иркутскую и Енисейскую. После 1736 г. провинции делились на воеводства и дистрикты. Одним из воеводств Тобольской провинции являлось Березовское. В 1782 г. вместо единой Сибирской губернии с центром в г. Тобольске было создано наместничество, по-прежнему располагавшееся в Тобольске и состоявшее из двух областей – Тобольской и Томской. Первая из них включала 9 округов, в том числе Березовский (самостоятельный округ в Сургуте был ликвидирован, а его территория в 1804 г. вошла в состав Березовского округа). В 1822 г. Тобольская губерния стала частью новоучрежденного Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Административная структура Березовского округа в конце XVIII–XIX в. принципиально не отличалась от структур других округов Тобольской губернии. Исключение составлял период с 1854 до конца 1860-х гг., когда березовская администрация по решению правительства стала называться военно-окружным управлением, а ее глава – военно-окружным начальником. При этом начальниками назначались офицеры военного ведомства с двойным подчинением (тобольскому гражданскому губернатору и генерал-губернатору Западной Сибири) и большим объемом полномочий.

В 1803 г. в связи с большими пространствами и малонаселенностью сибирские округа были разделены на комиссарства во главе с частными земскими комиссарами. Березовский округ был поделен на три комиссарства, каждое из которых занимало не менее сотни тысяч квадратных верст: Обдорское, Кондинское и Сургутское. К 1840-м гг. комиссарства переименовали в участки с теми же названиями, сохранившимися до конца XIX в. Комиссаров сменили земские участковые заседатели. Подобная схема управления по-прежнему не позволяла оперативно контролировать ситуацию в районах, удаленных от Березова на многие сотни верст. В конце 1890-х гг. в Сибири была проведена очередная административная реформа. Вместо округов были учреждены уезды. Изменения коснулись и административных границ. Березовский уезд значительно уменьшился в размерах, поскольку из округа выделился самостоятельный Сургутский уезд. Сам уезд делился на 11 волостей, сформированных по сословно-этническому признаку. Три волости именовались русскими, восемь – инородческими. Среди инородческих выделялись две вогульские (мансийские) – Ляпинская и Сосьвинская, пять остяцких (хантыйских) – Обдорская, Куноватская, Подгородная, Кодская и Казымская, одна самоедская (ненецкая) – Обдорская. Впоследствии в состав Ямало-Ненецкого

национального округа вошли две Обдорские и Куноватская волости, а также часть Туруханского края Енисейской губернии [Миненко, 1975, с. 217–223; Ямал – знакомый..., 1995, с. 104–109; Ямал: грань веков и тысячелетий, 2000, с. 333–338; Судьбы народов Обь-Иртышского Севера, 1994; Со словно-правовое положение, 1999].

Административно-политический фактор играл значимую, порой опережающую, роль в процессе освоения и интеграции восточных регионов России, что в целом подтверждает тезис о ведущей роли государства в процессе собирания и устройства земель, создания основных отраслей отечественной экономики. Направления, темпы и результаты развития восточных регионов России в XVII – начале XX в. определялись как действием объективных факторов, характеризующих потенциал той или иной территории, так и – в весьма значительной степени – политикой, проводимой самим государством по отношению к данной территории. Политика государственной власти по отношению к регионам отличалась сложной и динамичной структурой, постоянными изменениями в иерархии ее элементов, обусловленными ролью и местом, которые отводились той или иной территории в решении текущих и перспективных задач общегосударственного масштаба на разных этапах развития страны. При этом постоянным оставалось пристальное внимание центральных органов государственной власти к вопросам административного управления регионами.

С начала XVIII в. административно-территориальное устройство осуществлялось в контексте проведения политики модернизации, предусматривавшей в перспективе рационализацию и унификацию системы управления, в том числе местного. Однако недостаточно глубокая интегрированность большинства территорий на востоке России вносила существенные коррективы в общий курс административного благоустройства. Управленческие структуры Сибири практически до рубежа XIX и XX вв. несли черты особенности, отличности от соответствующих структур центральных регионов России. При этом необходимо признать, что формально-бюрократические, фискальные мотивы в целом преобладали над прочими в процессе административно-территориального устройства восточных регионов в имперский период.

Во-вторых, общероссийские модернизационные процессы проявились в интенсификации хозяйственно-экономической интеграции края в рыночную макроструктуру страны. Основой подобных процессов являлось заметное ускорение темпов освоения севера Западной Сибири. Важная тенденция данного этапа – это необратимый уже процесс формирования постоянного русского населения на Обском Севере.

Крупнейшим центром концентрации оседлого русского населения с начала столетия становится Обдорск, в котором в 1857 г. проживал уже 271 человек русских; в с. Мужевском числилось 15 душ обоего пола, в с. Кушеватском – 72 души, в с. Полноватском – 18 и т.д. К концу XIX в. численность русского населения в крае заметно выросла. Так, по данным всероссийской переписи 1897 г. в с. Обдорском проживало 1249 чел., в с. Кушеват – 70, в с. Муже – 60. Немногочисленные русские семьи жили в юртах Шурышкарских, Вандиязских и Шуга [Миненко, 1973, с. 262–263; Ямал: грань веков и тысячелетий, 2000, с. 346–347].

В экономике северных районов Западной Сибири возникает многоукладный комплекс хозяйственных связей пришлого и коренного населения. При этом традиционное хозяйство аборигенов подвергается значительной деформации под влиянием пришлого населения и его торгово-промышленного капитала. Проникновение товарно-денежных отношений в туземную среду приводит к коммутации ясака, развитию среди части коренных жителей, включенных в сферу русского рыбопромышленного предпринимательства, товарного рыболовства.

Со временем на первое место по доле товарооборотов в местной торговле выдвинулся Обдорск, что было обусловлено его выгодным расположением – на пересечении традиционных маршрутов оленеводов и обской водной коммуникации, позволявшей завозить товары с минимальными издержками. Сами обдоряне, постоянно проживая в Обдорске, выполняли посреднические функции.

Решающий импульс развитию обдорской торговли был дан в 1825 г. учреждением одноименной ярмарки (в 1860-е гг. она продолжалась с конца декабря до 25 января, в начале XX в. – с 1 по 20 января, в 1912 г. – с 15 декабря по 15 января). Среди привозных товаров на Обдорской ярмарке ведущее место занимали пищевые продукты: ржаная мука, печеный хлеб, коровье масло, чай, сахар, водка, табак, фабричные и кустарные ткани (сукно, ситец, бумазья, холст), украшения из меди и стекла, скобяной товар (ножи, топоры, котлы, кремни и огнива, железные листы для костров),

промышленное снаряжение (порох и свинец, ружья, капканы, сети, неводы и нить-мережа для их изготовления). Основными товарами аборигенов на ярмарке являлись пушнина, олени шкуры, мороженая рыба, пух и перо, кедровый орех и т.д. К середине XIX в. ярмарка в Обдорске становится крупнейшей на Тобольском Севере. В 1858 г. ее оборот составил по официальным данным 56,8 тыс. руб. Места постоянного торгового оборота на Обском Севере существовали и в городах Березове и Сургуте, в с. Мужы, они, правда, уступали по своим оборотам Обдорску. Пушнина, вывозимая из Обдорского края, поступала на Ирбитскую, Нижегородскую, Архангельскую ярмарки; рыба сбывалась преимущественно в Тобольской, Пермской и Вятской губерниях [Щеглова, 2002, с. 67, 74, 82—84, 186].

Долгосрочные торговые отношения устанавливались между русскими и северными народами. Ярмарочная торговля укрепляла экономические и бытовые связи жителей отдельных районов. Ярмарки Северного Приобья стали местом регулярных встреч пришлого и коренного населения – носителей разных культурно-бытовых традиций. Торговый обмен способствовал возникновению и развитию у народов Севера Западной Сибири товарно-денежных отношений, товаризации традиционных промыслов, включению коренных народов в общесибирский и общероссийский рынки. Посредством торговых контактов в быт аборигенного населения постепенно проникали европейская посуда, предметы домашнего обихода; произошло перевооружение охотничьего промысла, распространение получили огнестрельное оружие и усовершенствованные орудия лова. Развитие промышленного рыболовства способствовало росту мобильности обско-угорского населения, которое втягивалось в работу по найму за пределами своих волостей.

Исследователь ярмарочной торговли Западной Сибири Т.К. Щеглова обращает внимание на сложный характер системы взаимоотношений торгующих, сложившейся на северных пушных ярмарках [Щеглова, 2002, с. 83]. На первом этапе охотники продавали свой товар обдорским купцам, беря у них в кредит товары. На втором этапе, который начинался с середины января, обдорские купцы перепродавали товары приезжим тобольским купцам, от которых сами находились в зависимости. Наконец, на третьем этапе товар доставлялся на Ирбитскую ярмарку для перепродажи. На каждом этапе участники получали доход от разницы между ценами при покупке и продаже.

Своеобразным экономическим интеграционным механизмом стала получившая широкое распространение на Севере в XIX – начале XX в. так называемая кредитная система, игравшая решающую роль в торговом обмене аборигенов и русских. «Теоретически рассуждая, аборигены могли бы продать сами сырые продукты своих промыслов в городах и на вырученные деньги купить себе все необходимое. Но на деле, во-первых, инородец не всегда богат этими продуктами, а во-вторых, не имеет для этого перевозочных средств. У кого же есть собаки или лошади – дорога все равно не по карману из-за кормов, продовольствия и других затрат», – писал о сути кредитной системы С.К. Патканов (цит. по [Карих, 2004, с. 159]). Особенности кредитной торговли отмечал В. Бартнев: «Значительная часть товаров отпускалась в кредит, обдоряне старались ловить своих должников и те со своей стороны старались утечь от кредитора, чтобы продать свой товар за деньги, что гораздо выгоднее для ненцев. Прямо же на деньги довольно редко удавалось купить дешево..., при кредитной торговле получали прибыли в среднем 30—50%. При покупке же на наличные деньги в среднем 10—20%» [Бартнев, 1896, с. 135]. Благодаря кредитной системе северные народы могли сдавать продукты промыслов на месте, получая взамен все необходимое. Раз в год, обычно в декабре, торговец производил расчет со своими клиентами: с одной стороны, учитывалась общая сумма долга за год, т.е. взятого товара, с другой – стоимость рыбы, ягод и других продуктов, принятых им в течение года. В зависимости от того, какая сумма оказывалась большей, торговец или выдавал разницу товарами, или записывал долг в счет будущего года и снова открывал кредит.

В меньшей степени от кредита зависели олениводы, которым олени давали экономическую независимость и мобильность. Хозяйство олениводов (северные ханты, ненцы, тазовские селькупы) отличалось наибольшей автономностью. До середины XIX в. у них почти не было недостатка в пастбищах. Каждый род имел свои угодья; кочевники старались не мешать друг другу. Олени были главной заботой, транспортом для аборигенного населения; они давали сырье для изготовления одежды, сооружения жилья, обеспечивали пищей. Охота и рыболовство имели в хозяйстве олениводов вспомогательное значение. С русским населением «кочевники тундры» встречались в основном два раза в год: в январе и летом, когда приезжали сдавать ясак и менять излишки хозяйствен-

ной продукции (оленьи шкуры, пушнину, мороженую рыбу) на хлеб, чай, вино, табак, ткани, украшения и т.д. Отношения русских и ненцев-оленоводов характеризовались взаимной настороженностью. В то же время высокой была степень зависимости от кредита охотников дальних лесных угодий по притокам р. Оби (у них был товар, который необходимо было сбыть, но не было транспортных возможностей для его вывоза на продажу в городе). Устойчивые системы зависимости сформировались в XIX в. в рыболовстве. Крупные рыбопромышленники, арендовавшие угодья по реке Оби, обеспечивали своих клиентов-аборигенов необходимыми продуктами, рабочими местами на лето и орудиями производства, платили за них ясак и казенные долги. Кроме того, они занимались организацией работы артели, следили за посолом рыбы, платили за аренду; они же скупали обычно весь свободный улов [Дунин-Горкавич, 1995, 1996; Миненко, 1975, с. 61–78; Ямал – знакомый..., 1995, с. 142–161; Вануйто, 2001, с. 93–95; Карих, 2004, с. 153–165].

Необходимо отметить, что русские были не единственным экономическим агентом, способствовавшим внедрению товарно-денежных механизмов в хозяйство северного края. Не менее заметную роль в этом плане в Северо-Западной Сибири сыграли зыряне-ижемцы, появившиеся в Березовском округе в первой половине XIX в. и к концу столетия дисперсно расселившиеся в иноэтничной среде от р. Ляпин до Байдарацкой губы. С 1842 г. семьи коми стали постепенно оседать на р. Ляпин, образовав здесь со временем крупную зырянскую деревню Саранпауль. С 1847–1848 гг. коми стали селиться в с. Мужы, где к началу 1890-х гг. насчитывалась уже более трех с половиной сотен зырян. В 1853 г. первая семья коми поселилась в Обдорске, а в начале XX в. здесь проживало уже около 100 семей коми. Будучи оторванными от первичного окружения и не наделенные казенной землей в Березовском округе (они оставались приписанными к Архангельской губернии), коми-ижемцы в значительной степени были вынуждены специализироваться на торговло-посреднической деятельности, в частности между Печорой и Обью. Зыряне-ижемцы привнесли изменения в характер тундрового оленеводства региона, придав ему ярко выраженный товарный характер. По мнению современников, у зырян оленей было больше, чем у ненцев, раз в 400; зыряне обеспечивали Север оленьим мясом, одеждой из оленьих шкур (гуси, малицы и пр.).

Коми-ижемцы усовершенствовали заимствованную у ненцев систему оленеводства: ввели лучший уход, большой забой скота из-за боязни падежей, передвинули сроки перекочевков на 3–4 недели, что позволяло сохранять молодняк и сокращало сами расстояния перемещений. Зыряне стали оплотом Обдорской ярмарки, выполняя посредническую функцию между ненцами-оленоводами и приезжими русскими купцами. Коми-ижемцы скупали у ненцев оленьи и лосинные шкуры, шили из них одежду и продавали ее тобольским купцам. По свидетельству современника Л. Александрова, зыряне вполне заменили на севере евреев. Как только ненцы размещались со своими чумами у Обдорска, зыряне уже выезжали навстречу к ним для обмена шкур на водку. Обогатившись таким образом, они закрывались в домах и не выходили до конца ярмарки, распуская слухи о том, что в Ижме цены выше и они повезут товар туда. Тобольские купцы вынуждены были поднимать закупочные цены. Как только последние доходили до намеченной зырянами суммы, они тут же начинали продавать скупленный товар. Как бы там ни было, ижемские зыряне создавали конкуренцию русским торговцам, не позволяя им монополизировать товарообмен с аборигенным населением [Конаков, 1991, с. 49–52; Жеребцов, 1998, с. 98; Карих, 2004, с. 154–160; Туров, 2003, с. 236–243; Повод, 2003, с. 447–450; 1999, с. 237–238].

Итак, хозяйственные механизмы в XIX в. начинают обеспечивать постепенную интеграцию севера Западной Сибири в экономическое пространство страны. Процессы хозяйственной интеграции отличала динамика ускорения. К рубежу XIX и XX в. экономика Обского Севера уже приобрела прочные связи с общероссийским рынком, оказывавшим на нее свое трансформирующее воздействие. Однако это воздействие не было равномерным ни в отраслевом, ни в территориальном плане. Экономика края по-прежнему оставалась многоукладной; наряду с товаропроизводящей значительное место в ней занимала натурально-потребительская хозяйственная деятельность.

В-третьих, модернизационные процессы вызывали рост интереса к окраинам как источникам разнообразных ресурсов для растущей экономики страны. В этой связи показательна заметная активизация с начала XIX в. географических исследований на севере Евразии, в частности на Обском Севере, которые носили четко выраженный практический характер. Лейтмотивом этих исследований являлся поиск водного пути между Белым морем и реками Сибири. В 1804 г. на имя иркутского губернатора Селифонтова поступила записка от частных лиц – коллежского советника

Куткина и именитых граждан Зеленцовых. Они предлагали «открыть путь давно правительством желаемый через Обскую губу для соединения северной торговли с европейскою». Авторы проекта планировали создать промысловые опорные пункты на берегах Обской губы, организовать полярные плавания из Оби на запад и на восток. Для этого они просили передать им на 25 лет монопольное право на ведение промыслов на Обском, Енисейском и Таймырском Севере, от Вайгачского пролива (Карские Ворота) до Северо-Восточного мыса, у губы Таймырской, со всеми прилегающими к побережью островами. Министерство коммерции данное предложение не поддержало, опасаясь, что монополия на столь длительный срок поставит в невыгодное положение местных предпринимателей и создаст проблемы в продовольственном обеспечении жителей Тобольской губернии, для которых рыболовство в устье Оби и других сибирских рек имело большое значение.

Тем не менее министр коммерции Румянцев принял активное участие в обсуждении вопроса о возможности устройства водного пути между реками Сибири и Европейским Севером. С подобной инициативой выступил капитан-лейтенант Ф.В. Веселаго. В 1806 г. департамент водных коммуникаций подготовил доклад «О соединении устья реки Оби с Карской губою», в котором делался акцент на недоиспользование природных богатств Сибири, вследствие чего ее жители, «не имея средств доставлять их к местам, где сии произведения нужны, не радеют об их сохранении и еще менее стараются об их умножении». Для разрешения проблемы авторы проекта предлагали организовать судоходство между реками Западной Сибири и Европейской России, текущими в Северный Ледовитый океан и в Каспийское море, и в первую очередь испытать тот путь, которым пользовались промышленники в XVII в. и который пролегал по рекам Мутной и Зеленой и связывал Карскую (Байдарацкую) губу с Обской. Одновременно планировалось провести исследование, с тем чтобы выяснить устройство каналов, которые связали бы уральские железодельные заводы с реками Европейской России и облегчили бы перевозку их продукции к Петербургскому порту.

Изыскательские работы было поручено провести экспедиции под руководством инженер-подполковника И. Попова. В конце лета 1806 г. он прибыл в Обдорск, откуда выехал на север, на территорию параллельную западному побережью Обской губы. Экспедиция провела обследование р. Юрибей на всем протяжении ее до впадения в Байдарацкую губу, водораздела этой реки и р. Иой, впадающей в Обскую губу. Исходя из результатов исследования, Попов выразил сомнение в целесообразности установления водного пути между Обью и Карской губою, обосновав его тяжелыми ледовыми условиями Карского моря. Уже глубокой зимой участники экспедиции приступили к осмотру р. Соби, истоки которой близко подходят к рекам, впадающим в Печору. Река была исследована до ее истоков, лежащих в Уральских горах, где брал истоки один из притоков р. Усы, впадавшей в Печору. Попов убедился в том, что обе реки «начальное свое течение имеют малое, но далее вниз глубже и пространнее», и пришел к заключению о возможности соединения речных систем Оби и Печоры путем строительства канала с плотинами и шлюзами. Он отметил преимущества устройства водного сообщения между Сибирью и Архангельским портом посредством соединения рек Соби и Усы: 1) он находится на 560 верст южнее; 2) суда не будут подвергаться опасностям из-за волнения во время плавания по Обской губе и мелей в устье Оби; 3) отпадает потребность в огромном количестве строительных материалов, которые пришлось бы доставлять в безлесную тундру; 4) суда, которые будут направляться Обско-Печорской водной дорогой, не будут на пути в Архангельск блокированы льдами Карского моря. Однако из-за значительного снижения внешнеторгового оборота России вследствие участия страны в континентальной блокаде вопрос о вывозе на внешний рынок сибирских продуктов потерял актуальность, и правительство отказалось от устройства водного пути между Сибирью и Архангельским портом [*Ласецкий*, 1974, с. 36–42].

В 1825 г. по предложению Ф.П. Литке возобновились полярные исследования на севере. Была организована Печорская экспедиция с целью подробного описания Мурманского берега и изучения Белого моря, картирования силами двух отрядов берега Северного Ледовитого океана от Канина Носа до устья Оби и Енисея. Восточный отряд экспедиции возглавил И.Н. Иванов. Отряд покинул Архангельск 19 декабря 1825 г. Было проведено исследование на о. Вайгач. Переправившись на ненецком карбасе на материк, Иванов в августе 1826 г. приступил к изучению побережья к востоку от Югорского Шара. Перезимовав в Обдорке, экспедиция Иванова весной 1827 г. приступила к исследованию юго-западных и южных берегов Байдарацкой губы; затем она направилась на север и провела картирование западного побережья полуострова Ямал. В следующем году Иванов исследовал северный и восточный берега Ямала. Итак, продолжавшаяся более трех лет экспедиция

нанесла на карту с большой точностью северные берега России от устья Печоры до вершины Обской губы [Пасецкий, 1974, с. 144—146].

В 1854 г. к правительству обратился П.И. Крузенштерн с просьбой о предоставлении ему права неограниченной вырубке леса по берегам рек Печоры, Оби и их притоков на пять лет. При этом Крузенштерн брал на себя обязательство открыть судоходный путь из Печоры в Северный Ледовитый океан. Он предполагал со временем начать вывоз леса из Обского бассейна либо морским путем из устья Оби в океан, либо после сооружения канала или волока между притоками Оби и Печоры. Мореплавателю был убежден в государственной значимости открытия морского сообщения с устьем Печоры и Оби. Реализации проекта помешала Крымская война [Пасецкий, 1974, с. 192].

Географическое исследование морей, омывающих северные берега Азии, позволило во второй половине XIX в. организовать торговое судоходство в Карское море. В 1876 г. шведский ученый и известный полярный путешественник А. Норденшельд на пароходе, предоставленном русским золотопромышленником А. Сибиряковым, доставив партию заграничных товаров в устье Енисея, после чего морское сообщение с устьями Оби и Енисея стало регулярным [Ямал: грань веков..., 2000, с. 239—243].

В качестве проявления модернизации можно рассматривать и активизацию миссионерско-просветительской деятельности на севере Западной Сибири. Вообще начало христианского миссионерства и массового распространения православия среди коренных народов Северо-Западной Сибири относится к началу XVIII в. Однако северных волостей данный процесс лишь коснулся. К 1770-м гг. удалось крестить менее 500 остяков Обдорской и Куноватской волостей. Большая их часть, как и практически все самоеды, оставались язычниками [Миненко, 1975; Главацкая, 1998, с. 52–66; 1999, с. 82–102; Николаев, 1996; Ямал: грань веков..., 2000, с. 330–346]. Примерно с середины XIX в. миссионерская деятельность на Обском Севере активизируется. Хотя христианизация коренных народов края отличалась поверхностным характером и неравномерностью, у отдельных групп населения сложились синкретические формы верований. Трансформировались нормы обычного права; новыми темами и образами обогатилось искусство северных народов. Стало распространяться просвещение. Гораздо более глубоким было русское влияние в сфере материальной культуры местных народов (изменения в жилище, летней одежде, системе питания; внедрение покупных вещей вместо традиционных; трансформация производственных технологий).

На протяжении XIX – начала XX в. север Западной Сибири оставался во власти традиции. Тем не менее общестрановые модернизационные процессы оказывали влияние на регион. К началу XX в. были достигнуты определенные успехи в интеграции крайнего севера Западной Сибири в экономическое и социокультурное пространство Российского государства. Однако процессы интеграции протекали неравномерно и в разной степени охватили компоненты общества. Реальностью края оставались полиморфизм, многоукладность в сфере социальных отношений, в экономической области, институционально-политической и социокультурной.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных ориентированных исследований УрО РАН №12-6-9-003 «Арктика»

Библиографический список

- Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008.
- Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири: Очерки Обдорского края. СПб., 1896.
- Вануйто В.Ю. Торгово-обменные связи народов Обского Севера и русскоязычного населения в XVIII–XIX вв. // Самодийцы: матер. IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2001.
- Главацкая Е.М. Когда умолкнут все бубны..., или Сказ о том, как царь Петр решил крестить язычников Сибири // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. Вып. 2.
- Главацкая Е.М. А был ли выбор? Аргументы против теории ненасильственного крещения хантов и манси в 1712–1715 гг. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1999. Вып. 3.

- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев. М., 1995. Т. 1; 1996. Т. 3.
- Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX в.: территория и население. Сыктывкар, 1998.
- Зубаревич Н.В. Территориальный ракурс модернизации // *Spergo*. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2009. № 10.
- Карих Е.В. Процессы этнокультурного взаимодействия в ходе хозяйственного освоения Тобольского Севера в XIX – начале XX в. // *Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX в.* Новосибирск, 2004.
- Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми. М., 1991.
- Миненко Н.А. Русское население Нижнего Приобья в XVIII – первой половине XIX в. (источники, динамика, размещение и сословный состав) // *Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969)*. Новосибирск, 1973.
- Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975.
- Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998.
- Николаев А.П. Приходская община новообращенных Северо-Западной Сибири во второй половине XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1996.
- Пасецкий В.М. Арктические путешествия россиян. М., 1974.
- Побережников И.В. Уровни изучения модернизации: мировой, цивилизационный, страновой, региональный, локальный (теоретические аспекты) // *Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: матер. всерос. науч. конф., 2–3 июля 2009 г.* Екатеринбург. Екатеринбург, 2009.
- Повод Н.А. Первые коми-ижемцы в Березовском крае: история семьи Ф.З. Рочева // *Угры: матер. VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., Тобольск)*. Тобольск, 2003.
- Повод Н.А. Этнокультурное развитие коми-зырян Зауралья в конце XIX – начале XX в. // *Этнокультурная история Урала XVI–XX вв.: матер. междунар. науч. конф., г. Екатеринбург, 29 ноября – 2 декабря 1999 г.* Екатеринбург, 1999.
- Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX в.): сб. правовых актов и документов. Тюмень, 1999.
- Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822—1941 гг.): сб. документов. Тюмень, 1994.
- Туров С.В. К вопросу о роли коми-зырян ижемской группы в заселении и хозяйственном освоении тундровой зоны Северного Зауралья (первая половина XIX – 20-е гг. XX в.) // *Угры: матер. VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., Тобольск)*. Тобольск, 2003.
- Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX в.: Из истории российско-азиатской торговли. Барнаул, 2002.
- Ямал: грань веков и тысячелетий: популярн. иллюстр. очерк истории края с древнейших времен. Салехард; СПб., 2000.
- Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень, 1995.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.11.2013

THE NORTH OF WESTERN SIBERIA IN THE CONTEXT OF RUSSIAN MODERNIZATION OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

I. V. Poberezhnikov

Institute of History and Archaeology, Ural branch of Russian Academy of Sciences, Lenin ave., 76, 454080, Chelyabinsk, Russia
pober1871@mail.ru

Territorial variability is an immanent sign of modernization. Modernization processes in the peripheral regions of the state, such as the North of Western Siberia in the XIX – early XX centuries, had its own peculiarities. Low number of

population and unfavorable climatic conditions seriously obstructed the development of the region. Nevertheless, the North of Western Siberia was influenced by nationwide modernization processes. The gradual rationalization of administrative division, the differentiation of central and local authorities' competences, the unification of management structure, the limitation of the opportunities for the authorities' outrage, the division of legal proceedings and administration, dating back to the early XVIII century, were obvious manifestations of modernization. Modernization promoted the intensification of economic integration of the region into the market structure of the country and the development of commodity-money relations. Both the Russian settlers and the Izhma-Zyrians, who had appeared in Berezovsky district in the first half of the XIX century, contributed to the introduction of commodity-monetary mechanisms into agriculture of the region. Growing interest in peripheral regions of the state as sources of a variety of resources for a growing economy has led to a significant activation of practical geographical research in Northern Eurasia, particularly in the Ob North, from the beginning of the XIX century. The intensification of missionary activity in the Ob North since the middle of the XIX century, accompanied by the spread of education and the growth of Russian influence in the field of material culture of the local population, became a sign of modernization.

Key words: modernization, space, Siberia, the North, periphery, rationalization, integration, tradition, multistructurality.

References

- Alekseev V.V., Gavrilov D.V.* Metallurgiya Urala s drevneyshikh vremen do nashikh dney. M., 2008.
- Bartenev V.* Na krainem severo-zapade Sibiri: Ocherki Obdorskogo kraja. SPb., 1896.
- Vanuyto V.Yu.* Torgovo-obmennye svyazi narodov Obskogo Severa i russkoyazychnogo naseleniya v XVIII–XIX vv. // Samodiysy: mater. IV Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri» (10–12 dekabrya 2001 g., Tobol'sk; Omsk, 2001.
- Glavatskaya E.M.* Kogda umolknut vse bubny..., ili Skaz o tom, kak tsar' Petr reshil krestit' yazychnikov Sibiri // Ural'skiy sbornik. Istoriya. Kul'tura. Religiya. Ekaterinburg, 1998. Vyp. 2.
- Glavatskaya E.M.* A byl li vybor? Argumenty protiv teorii nenasil'stvennogo kreshcheniya khantov i mansi v 1712–1715 gg. // Ural'skiy sbornik. Istoriya. Kul'tura. Religiya. Ekaterinburg, 1999. Vyp. 3.
- Dunin-Gorkavich A.A.* Tobol'skiy Sever: Etnograficheskiy ocherk mestnykh inorodtsev. M., 1995. T. 1; 1996. T. 3.
- Zherebtsov I.L.* Komi kray v XVIII – seredine XIX v.: territoriya i naselenie. Syktyvkar, 1998.
- Zubarevich N.V.* Territorial'nyy rakurs modernizatsii // Spero. Sotsial'naya politika: ekspertiza, rekomendatsii, obzory. 2009. № 10. S. 33–54.
- Karikh E.V.* Protsessy etnokul'turnogo vzaimodeystviya v khode khozyaystvennogo osvoeniya Tobol'skogo Severa v XIX – nachale XX v. // Sibirskiy plavil'nyy kotel: sotsial'no-demograficheskie protsessy v Severnoy Azii XVI – nachala XX veka. Novosibirsk, 2004.
- Konakov N.D., Kotov O.V.* Etnoareal'nye grupy komi. M., 1991.
- Minenko N.A.* Russkoe naselenie Nizhnego Priob'ya v XVIII – pervoy polovine XIX v. (istochniki, dinamika, razmeshchenie i soslovnnyy sostav) // Voprosy istorii Sibiri dosovetskogo perioda (Bakhrushinskiye chteniya, 1969). Novosibirsk, 1973.
- Minenko N.A.* Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII – pervoy polovine XIX v. Novosibirsk, 1975.
- Natsional'nye okrainy Rossiyskoy imperii: stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya. M., 1998.
- Nikolaev A.P.* Prihodskaya obshchina novoobrashchennykh Severo-Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XVIII v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Novosibirsk, 1996.
- Pasetskiy V.M.* Arkticheskie puteshestviya rossiyan. M., 1974.
- Poberezhnikov I.V.* Urovni izucheniya modernizatsii: mirovoy, tsivilizatsionnyy, stranovyy, regional'nyy, lokal'nyy (teoreticheskie aspekty) // Tsivilizatsionnoe svoeobrazie rossiyskikh modernizatsiy: regional'noe izmerenie: mater. Vseros. nauch. konf., 2–3 iyulya 2009 g. Eka-terinburg. Ekaterinburg, 2009.
- Povod N.A.* Pervye komi-izhemtsy v Berezovskom krae: istoriya sem'i F.Z. Rocheva // Ugry: mater. VI Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri» (9–11 dekabrya 2003 g., Tobol'sk). Tobol'sk, 2003.
- Povod N.A.* Etnokul'turnoe razvitie komi-zyryan Zaural'ya v kontse XIX – nachale XX v. // Etnokul'turnaya istoriya Urala XVI–XX vv.: mater. mezhdunar. nauch. konf., g. Ekaterinburg, 29 noyabrya – 2 dekabrya 1999 g. Ekaterinburg, 1999.
- Soslovno-pravovoe polozhenie i administrativnoe ustroystvo korennykh narodov Severo-Zapadnoy Sibiri (konets XVI – nachalo XX v.): sb. pravovykh aktov i dokumentov. Tyumen', 1999.
- Sud'by narodov Ob'-Irtyskogo Severa (Iz istorii natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva. 1822—1941 gg.): sb. dokumentov. Tyumen', 1994.
- Turov S.V.* K voprosu o roli komi-zyryan izhemskey grupy v zaselenii i khozyaystvennom osvoenii tundrovoy zony Severnogo Zaural'ya (pervaya polovina XIX – 20-e gg. XX v.) // Ugry: mater. VI Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri» (9–11 dekabrya 2003 g., Tobol'sk). Tobol'sk, 2003.
- Shcheglova T.K.* Yarmarki Zapadnoy Sibiri i Stepnykh oblastey vo vtoroy polovine XIX v. Iz istorii rossiysko-aziatskoy trgovli. Barnaul, 2002.
- Yamal: gran' vekov i tysyacheletiy: populyarn. illyustr. ocherk istorii kraja s drevneyshikh vremen. Salekhard; SPb., 2000.
- Yamal – znakomyy i neizvestnyy. Tyumen', 1995.